

В жертвенном зале Шань Хэ так и стоял на коленях перед жертвенным столом, глядя на густо расставленные вокруг таблички с именами предков-наставников, чувствуя, как в сердце поднимается невыразимая боль. Уставившись на самую последнюю табличку, стоявшую на алтаре, он пробормотал:

— Учитель, прошло три года, и ученик наконец-то, следуя вашему наставлению, успешно достиг Сферы Просветления. Теперь ученик покидает родную обитель. Прошу вас, не беспокойтесь: то, что вы мне поручили, я непременно исполню. Обретите же покой!

С этими словами Шань Хэ, слёзы которого уже капали из уголки глаз, трижды поклонился до земли, поднялся и медленно вышел из жертвенного зала. Оглядывая знакомые до боли пейзажи, он невольно почувствовал легкую тоску, но стоило ему вспомнить о поручении старика и о собственном происхождении, как он укрепился в решимости покинуть секту.

Стоя на краю обрыва, любясь давно забытым голубым небом, белыми облаками и далекими грядями гор, Шань Хэ невольно мысленно вернулся в тот день, когда старик ушел из жизни.

В тот день Шань Хэ, как обычно, направлялся на тренировочную площадку. Проходя мимо домика старика, он вдруг услышал, как тот позвал его:

— Шань Хэ, зайти-ка сначала внутрь!

Услышав слова наставника, Шань Хэ тут же толкнул дверь, вошел и, подойдя к постели старика, произнес:

— Учитель, вы звали меня? Что-то случилось?

— Шань Хэ, всё, чему я мог тебя научить, я почти передал. Дальнейший путь тебе придется выбирать самому. Сегодня я позвал тебя, потому что должен кое о чем рассказать. Слушай внимательно, — с легкой одышкой произнес старик.

— Говорите, учитель, я слушаю! — Шань Хэ присел рядом со стариком и машинально положил пальцы на его запястье.

Внезапно сердце юноши дрогнуло, и невыразимая горечь захлестнула его душу: пульс старика ослаб настолько, что почти не ощущался. Шань Хэ понял, что после почти года упорной борьбы наставник достиг предела человеческих сил. Слезы сами собой покатились по щекам, и, сдавленным голосом, он произнес:

— Учитель, вы...

— Ох! Глупый мальчишка, ты почувствовал? Эх, не горюй! Я прожил так долго, и это того стоило! А теперь послушай меня: то, о чем я прошу, ты должен исполнить во что бы то ни стало, иначе я умру с открытыми глазами! — прервал его старик с легким волнением в голосе.

Видя, что наставник заметно взволнован, Шань Хэ торопливо направил по его руке нить истинной ци, чтобы успокоить его сердце, и сказал:

— Говорите, учитель, я все исполню!

— Кхе... Кхе... — старик тяжело зашелся кашлем и, выплюнув сгусток черной крови, заговорил: — Шань Хэ! Я вышел в мир в двадцать три года, и с тех пор прошло уже более ста сорока лет. Всю свою жизнь я жил так, что мне не стыдно перед небом и землей, но вот перед собственной совестью... Кхе, кхе... — прокашлявшись, он продолжил: — Когда я только начал свой путь, страна погрузилась в хаос, началось иноземное вторжение. Молодой и горячий, я последовал за старшими из секты и бросился в самую гущу антииноземного движения. Более двадцати лет я скитался по полям сражений, но оставался одинок. И вот в том самом бою, когда полегли больше сотни героев боевых искусств, меня настигла шальная пуля, и я рухнул в лужу крови. Пожалуй, мне было суждено выжить: пролежав без сознания на поле боя целые сутки, я выбрался из горы трупов. Глядя вокруг на остывающие тела братьев, с которыми еще вчера пил вино, я потерял рассудок. Помраченный рассудком, спотыкаясь, я ушел с поля боя в глухие горы. Сам не знаю, сколько я бредл, пока наконец не потерял сознание.

Немного переведя дух, старик продолжил:

— Когда я пришел в себя, то обнаружил, что лежу на кровати, сплошь забинтованный. Оглядев незнакомую обстановку, я понял, что меня спасли. История стара как мир: меня подобрал старик, который жил здесь отшельником вместе с женой и внучкой. В тот день я, лишенный рассудка, брел по глубоким горам и упал без чувств возле их дома. Так я прожил у них целый год. К моему удивлению, эта семья тоже принадлежала к Цзянху, но, не желая видеть коррумпированный императорский двор и скитания простого народа, они укрылись от мира. За год лечения меня окружили заботой, и я даже проникся чувствами к их внучке. Позднее, окрепнув, я не захотел до конца дней прятаться в глуши и настоял на уходе. Старик не стал меня удерживать и отпустил. Но кто бы мог подумать, что вскоре после моего ухода внучка догнала меня, пожелав вместе странствовать по боевым искусствам. Так мы стали мужем и женой и вместе вступили в борьбу против иноземных захватчиков. Позже она забеременела, и я, охваченный диким восторгом и боясь, что с ней что-нибудь случится, временно отошел от войны и уединился с ней на берегу Западного озера, в ожидании появления на свет нашего ребенка.

— Кхе, кхе... — внезапно старик снова зашелся сильным кашлем. Шань Хэ поспешно передал еще одну нить истинной ци, мягко питая угасающие меридианы в теле наставника.

— Но как раз тогда, когда наш ребенок должен был родиться, до меня дошли вести, что шайка морских разбойников тайком высадилась с моря и готовится напасть на Нинбо. В то время в Нинбо как раз собралось немало героев Цзянху, а во главе их стоял твой седьмой дядя. Опасаясь за их жизни и наплевав на то, что твоя приемная мать была на сносях, я сломя голову бросился в Нинбо, чтобы предупредить их. Однако я опоздал. Когда я прибыл, схватка уже началась, и я тоже немедленно ринулся в бой. Когда пираты отступили, я, помня о жене, тотчас помчался обратно к нашему дому у Западного озера. Но я никак не ожидал — никак не мог подумать, что все обернется именно так! Кхе! Кхе... — чем дальше говорил старик, тем сильнее волновался, переходя на яростный кашель.

Спустя долгое время, немного успокоившись, старик продолжил:

— Вернувшись домой, я встретил не жену и ребенка, а лишь пепелище. Разрушенным оказался не только наш дом, но и все вокруг. В опустевшей округе не было ни души, а в воздухе стоял удушливый запах горелой плоти. Отказываясь верить в гибель жены, я обезумел и перерыл все руины до последнего камня. В конце концов, ничего не добившись, я постепенно пришел в себя и начал расспрашивать повсюду, что же здесь произошло. Наконец мне удалось разыскать ту пожилую служанку, которую я нанял ухаживать за женой. От нее я узнал, что на третий день после моего ухода сюда явилась банда чужеземцев и устроила грабеж и резню, а моя жена покинула это место на второй день после моего ухода, и ее след затерялся. Узнав, что она осталась жива, я немедленно пустился на ее поиски. Я возвращался даже в те места, где мы впервые встретились, но так и не нашел её следов. Прошло столько лет, я никогда не оставлял надежды отыскать их, но до сего дня нет никаких вестей. Как же я ненавижу!

С этими словами старик с трудом поднял обе руки, снял с шеи висевшую там нефритовую подвеску в форме феникса и бережно вложил ее в руку Шань Хэ:

— Это нефритовая подвеска «Игра дракона с фениксом». Когда мы с твоей матерью поженились, её подарил твой прадед. То, что ты видишь — лишь половина подвески с фениксом, а парная ей подвеска с драконом осталась у твоей матери. Теперь я передаю её тебе в надежде, что в будущем ты поможешь мне разыскать твою мать и моих потомков. Эх, прошло больше ста лет, живы ли они еще... Шань Хэ, сделай все, что в твоих силах! Запомни, твою мачеху звали Дэн Ваньжу.

— Учитель, не беспокойтесь! Я запомнил, ученик непременно отыщет мачеху и остальных! — твердо произвел Шань Хэ, крепко сжимая нефрит в ладони.

— И еще. Ступай в Хранилище сокровищ и принеси два шкатулки с жертвенного стола напротив двери, — приказал старик.

— Слушаюсь! Я сию минуту, отдохните пока, учитель! — с этими словами Шань Хэ поднялся и направился в Хранилище сокровищ.

Приоткрыв тяжелую дверь хранилища, он ощутил волну легкого затхлого запаха. Окинув взглядом засыпанные пылью шкатулки с сокровищами всех размеров, Шань Хэ направился прямо к алтарю напротив входа. На столе стояли две шкатулки: одна большая, другая поменьше. Большая была около пяти футов в длину и фута в ширину, а меньшая — квадратной формы, примерно по футу с каждой стороны. Смахнув с них пыль, Шань Хэ подхватил обе коробки и вернулся в комнату старика.

Глядя на лежащую рядом парчовую шкатулку, старик с легким благоговением произнес:

— В этой продолговатой шкатулке хранится оружие, которым пользовался наш предок Цзянь Шан — Кнут Инь-Ян, он же легендарный Божественный Бич. Теперь я передаю его тебе, и ты официально вступаешь в должность девяносто четвертого главы нашей Скрытой Секты.

С этими словами он открыл шкатулку.

Услышав, что внутри лежит легендарный Божественный Бич, Шань Хэ с любопытством заглянул внутрь. Там, в тишине шкатулки, лежал девятисекционный хлыст длиной около четырех дюймов, чей слегка розоватый корпус источал простое, но тяжелое сияние. Старик попытался извлечь Кнут Инь-Ян из шкатулки, но после нескольких неудачных попыток так и не смог сдвинуть его с места. Бессильно горько усмехнувшись, он произнес:

— Эх, похоже, совсем я ослаб, раз не могу поднять даже оружие, оставленное предком!

Затем старик стянул со своего иссохшего запястья браслет в виде дракона, выкованный из аметистового золота, положил его поверх хлыста и добавил:

— Это Пряжка Инь-Ян, вещь, которую предок носил при жизни. Как и хлыст, она служит символом власти главы секты, я передаю их тебе вместе. Отныне Скрытая Секта держится на тебе. Хотя из учеников остались только мы с тобой, никто не знает, не осталась ли в мире потомков других учеников. Если встретишь их в будущем, непременно отнесись к ним по-доброму!

Говоря это, старик открыл вторую шкатулку:

— А здесь хранится сокровище секты — Нефрит Гор и Рек, тот самый Приказ Гор и Рек, что ходит по миру и, как говорят, способен повелевать всеми героями Поднебесной.

— Приказ Гор и Рек? Повелевать Поднебесной? — озадаченно переспросил Шань Хэ, разглядывая нефрит.

— Как тебе сказать... На самом деле слухи о повелевании Поднебесной — лишь вымысел. Будучи главным сокровищем Скрытой Секты, эта реликвия служила лишь верительной грамотой всякий раз, когда наша секта выходила в мир. Просто каждый раз мы объединялись с героями Поднебесной ради спасения родины, а поскольку боевые искусства Скрытой Секты всеобъемлючи, то при каждом выходе в свет наши ученики мимоходом указывали мастерам на изъяны в их техниках, чтобы те реже гибли в боях. Вот из искаженных молвой слухов и родилось поверье, будто обладание Приказом Гор и Рек позволяет не только повелевать Поднебесной, но и достичь Пика боевого пути. Впрочем, судя по записям предка, в этой нефритовой подвеске действительно сокрыта какая-то тайна, но какова она — никому не ведомо.

Сделав паузу и переведя дыхание, старик продолжил:

— Для тебя этот нефрит — не просто величайшая реликвия секты. С ним связано твое истинное происхождение.

— Что? Происхождение? Раз разве я не сирота, учитель? — изумленно воскликнул Шань Хэ, услышав это.

— Эх, по правде говоря, я и сам не знаю, сирота ли ты. Должно быть, у тебя в живых остался отец!

— Отец?! Учитель, что всё это значит?! — Шань Хэ схватил старика за руку, охваченный волнением.

— Кхе, кхе... — приступ кашля прервал взволнованного юношу.

— Простите, учитель! Я не со зла! — Шань Хэ торопливо пустил еще одну нить истинной ци, успокаивая бушующую кровь наставника.

— Ничего страшного! Послушай меня: семнадцать лет назад, возвращаясь в обитель, я встретил на дороге умирающую женщину, прижимавшую к груди младенца. Подойдя ближе, я понял, что она безнадежна: всё ее тело было покрыто ранами, а лицо перечеркнуто глубоким, доходившим до кости ударом клинка. Дыхание ребенка тоже едва теплилось, он мог умереть в любую секунду. К счастью, у меня с собой были пилюли продления жизни. Я растолок одну, заставил женщину проглотить ее, а сам принялся спасать малыша. Благодаря моим отчаянным усилиям ребенка удалось вытащить с того света. Женщина тоже пришла в себя, но её внутренние органы были разбиты внутренней ци, и спасти ее уже было нельзя. Передав мне ребенка и этот Приказ Гор и Рек, она испустила дух. Однако перед смертью она успела рассказать, что её звали Оуян Сюэ, и она тоже принадлежала к миру боевых искусств. Вместе с мужем и ребенком они жили на окраине Чэнду. За день до этого ее муж ушел из дома, после чего на нее напало несколько мастеров Цзянху. Тяжело раненая, она сумела сбежать с ребенком, пока не попалась мне. Она также назвала имя своего мужа — Сун Вэнь, и умоляла меня непременно найти его и вернуть мальчика отцу. Похоронив несчастную, я забрал младенца и покинул те места, надеясь выполнить ее последнюю волю. Но сколько я ни расспрашивал, отыскать этого человека так и не смог, поэтому мне пришлось растить ребенка самому. Теперь понимаешь? Этот ребенок — ты.

Старик спокойно смотрел на окаменевшего Шань Хэ.

— Выходит, я не сирота... Выходит, я не сирота! Ах... Матушка! Найду того, кто погубил тебя, и разорву на куски! — безумным голосом взревел Шань Хэ.

— Ребенок! Очнись, ребенок! — встревоженно позвал старик.

— Учитель, я в порядке! — Шань Хэ постепенно взял себя в руки, но тут же нахмурился и озадаченно произнес: — Но учитель, разве Приказ Гор и Рек не принадлежит нашей Скрытой Секте? Как он оказался у моей матери?

— Эх, ты ведь не знаешь! После того как девяностые годы глава секты пал в бою, Приказ Гор и Рек бесследно исчез. Как он попал к твоей матери — неведомо. Да, кстати, в оружейной палате в шкапулке с надписью «Огибающая мягкость» лежит оружие твоей матери — меч «Огибающая мягкость», можешь взглянуть на него.

Услышав это, Шань Хэ сначала хотел немедленно пойти и посмотреть на реликвию матери, но, взглянув на изможденного наставника, не осмелился бросить его одного. Поэтому он сказал:

— Посмотрю потом!

— Шань Хэ! Всё, что следовало тебе передать, я рассказал. Боевым искусствам секты ты обучен почти в полной мере, но запомни мои слова: не достигнув Сферы Просветления, не смей покидать обитель! Цзянху коварна и опасна, и хоть мастеров боевых искусств нынче почти не встретишь, кто знает, не уцелел ли где-то сильный старый мастер? Лишь достигнув Сферы Просветления, ты сможешь остаться непобедимым в мире. В дальнейшем ты можешь вольно распоряжаться всем имуществом в секте и больше не обязан соблюдать старые уставы. Тебе нужно лишь запомнить новое правило Цзянху: мастер боевых искусств не смеет легко поднимать руку на простых людей. Что же до нашей Скрытой Секты...

— Кхе, кхе... — старик вдруг зашелся страшным кашлем, и его лицо стало пугающе бледным.

Шань Хэ, сжимавший руку наставника, внезапно почувствовал, как внутренняя энергия старика хаотично метнулась в теле. Не теряя ни секунды, он попытался передать порцию ци, чтобы унять этот разлад, но старик остановил его жестом:

— Не нужно... не трать силы зря. Шань Хэ... Выйдя в мир, не ищи семью твоего дяди Чжао, теперь они — простые обыватели. Если захочешь, можешь отправиться в Сиань и разыскать человека по имени Лэн Ваньшань, он все же считается моим учеником по имени! Эх, быть может, в Поднебесной наконец воцарился мир... Тяжелый груз, что Скрытая Секта несла тысячелетиями, наконец-то может отдохнуть... Вань-эр...

С этими словами голова старика бессильно свесилась набок, и он навсегда покинул этот мир.

— Учитель!.. — громко зарыдал Шань Хэ.

<http://bllate.org/book/21942/2279652>